

Артистические кафе в Польше на рубеже 19–20 вв.

Артистические кафе, будучи явлением не безусловно польским и широко распространённым на рубеже 19–20 вв., получили в Польше, а особенно, в общепризнанной её культурной столице – Кракове, особо широкое распространение. Ниже речь пойдёт как раз о краковских артистических кафе, в большом количестве появившихся в этом относительно небольшом в городе, считавшимся в то время (даже самими жителями) едва ли не провинциальным захолустьем.

Однако, каковым бы ни было политическое положение этого города, своей роли культурного центра Польши Краков не утрачивал никогда. И именно здесь возникают и расцветают подобного рода заведения, кульминационным событием истории которых можно, по праву, считать возникновение такого "явления" как "Яма Михалика" – кафе, ставшего на рубеже 19–20 вв. не только местом, где сосредотачивалась неофициальная жизнь краковской богемы, но и местом, где родилось уникальное явление культурной жизни – сатирическое кабаре, хорошо известный "Зелёный воздушный шарик".

Хотя это кафе и это кабаре были (с полным правом) самой яркой страницей истории артистических кафе этого времени, речь о нём сейчас не пойдёт по двум причинам: 1) так как эта тема требует специального рассмотрения; 2) так как история этого заведения и его кабаре неплохо известна интересующимся этими вопросами. О "Яме" и "Зелёном воздушном шарике" было довольно много написано: как участниками кабаре и его современниками, так и позднейшими специалистами, занимающимися вопросами литературы, а также художественного искусства того времени. А совсем недавно (в 1997 г.) вышел в свет "литературный путеводитель" по "Яме Михалика" краковского историка польской литературы 20 в. Болеслава Фарона, где автор делает обзор истории этого кафе, подытоживая предшествующий опыт, и вдобавок подробно описывает интерьер, картины и прочие художественные ценности этого заведения.¹

Однако ещё до расцвета "Ямы Михалика" в Кракове на рубеже веков процветала жизнь ресторанная. Литераторы, художники, актёры и разного рода их почитатели, как то студенты университета, журналисты, чиновники имели свои излюбленные места, свои любимые столики, за которыми неоднократно проводили многие

часы за чтением газет, в диспутах, спорах, часто щедро приправленных алкоголем. "Кузницами интеллекта" назвал Тадеуш Желенский-Бой эти места встреч тогдашней богемы.

Первые кафе были доступны исключительно только мужчинам, как и по сегодняшний день ещё имеет место быть в мусульманских странах или в некоторых республиках бывшей Югославии. "Когда закрывали одно кафе, – писал Желенский-Бой, – шли в другое; в этом слящем городе несколько кафе были открыты до трёх часов утра! Без музыки – упаси, Боже!; это краковский завсегда кафе презирал: только газеты и разговоры".²

Краковские артистические кафе того времени, кроме того что были довольно многочисленными, имели довольно отличный друг от друга характер и атмосферу. При невозможности рассказать обо всех, хотелось бы упомянуть лишь о трёх наиболее характерных.

Весьма своеобразное место представляло собой "Кафе Шмидта" ("*Kawiarnia Schmidta*") на углу Шевской улицы и Плант. Его посетителям запомнилось как постоянно переполненное, полное дыма, невероятно грязное. Кажется, его хозяин, будучи членом городской Рады, не выполнял ничего из предписаний и указаний инспекций. А на замечания доброжелателей отвечал: "Полней не будет". Это – кафе *par excellence* литературное. Когда к нему была пристроена просторная застеклённая веранда, оно стало местом горячих дискуссий. Наряду с литераторами здесь часто бывали и краковские публицисты. Среди постоянных посетителей у Шмидта можно было встретить среди прочих Владимира Тетмайера, Станислава Выспяньского, Луциана Рьделя, Габриэлу Запольскую и др.

На углу улиц Славковской и Щепаньской находилось кафе "Сауера" ("*Sauera*"). Это было место с многовековой традицией. Вероятно, здесь, в этом доме королева Ядвига имела свидания с Вильгельмом. В конце 19 в. вход сюда был предназначен исключительно для мужчин. Однако хозяин решил сломать эту старую традицию, выделив зал, куда гости мог появиться только в компании дамы. Правильно это вскоре ликвидировалось, доведённое до абсурда, когда одинокий посетитель, которому было отказано в обслуживании, приводил с угла проститутку и спокойным голосом обращался к онемевшему официанту: "Чай, пожалуйста."

И наконец кафе, которое в воспоминаниях современников занимает больше всего места, наряду с "Ямой Михалика", впрочем самая близкая ей благодаря артистической легенде, а именно "Паон" ("*Paon*"). "Паон", основанный в 1897 г. Фердинандом Турлинским, облюбовали прежде всего художники из круга краковского журнала

Sadowski H. Ordery i oznaki szczytyn...

Więcek A. Jan Filip Holzhaeusser (1741–1792) nadworny medalier króla Stanisława Augusta Poniatowskiego. Warszawa, 1993.

¹ Faron B. Jama Michalika. Przewodnik literacki. Kraków, 1997.

² Żeleński-Boy T. Znaszli ten kraj?... I inne wspomnienia. Warszawa, 1956. Второе издание: Żeleński-Boy T. Znaszli ten kraj?... Oraz inne wspomnienia o Krakowie. Wrocław, 1983.

"Жизнь" и Станислава Пшибышевского (бывшего под конец его редактором). Кафе находилось на Шпитальной улице на первом этаже двухэтажного здания *vis-à-vis* театру. Сначала сюда заходила, главным образом, театральная публика, привлечённая хорошей кухней и умеренными ценами, а также своеобразной атмосферой зала. Затем в этом месте обжились художники, богема Молодой Польши.

Вскоре для людей искусства был выделен отдельный небольшой зальчик, вход в который могли только избранные. К перенесению в отдельное помещение подтолкнули прежде всего нужды художников: фортениано, карточки и мелки для рисования; а также их бесцеремонное поведение требовало изоляции от пренебрегаемого ими обывателя и мещанина.

Малый зальчик был закрыт для простонародья без какого-либо специального писанного регламента, кто может в нём находиться. Однако авторитет одного из мэтров — художника Яна Станиславского, его могущественный вид удерживали незваных гостей от переступания этого порога. За ним шли Станислав Пшибышевский, Станислав Выспяньский, Тадеуш Павликовский. Это были тузы. При них находилась группа почитателей, необязательно выдающихся литераторов.

На стенах маленького зальчика появилось много рисунков, пастелей, карикатур, прищепленных шпильками. Были среди них выполненные пастелью и углём портреты представителей мира тогдашней богемы работы Станислава Выспяньского, который с энтузиазмом рисовал портреты посетителей "Паона". По словам Желенского-Боя, Выспяньский через много лет вызывал их к себе, хотя в 1904 г. и обращался с официальным уведомлением, что рисовал с мыслью, что это будут выдающиеся портреты. Поскольку такими не являются, не видит повода, чтобы по-прежнему хранить эти портреты дома, и потому раздал их носителям образов.

На рубеже 1889 и 1890 года "Паон" угасает: Турлинский, уже успев прогореть на своей славе и клиентах-гениях. Причины банкротства Турлинского объясняет Желенский-Бой в воспоминаниях о Кракове. По его предположению, на него навалились: любовь к азарту, трата значительных сумм на так называемую позолоченную молодёжь, которая бывала "на высоте" и которой он не смел отказать в кредитах. Только кафе — где кредит не предоставлялся — приносило ему доход, и комнатка художников "Паона" прославила его и собирала клиентов со всей Польши. Благодаря этой артистической репутации он мог открыть во Львове новое кафе. Коллекция картин, которую получил в Кракове от художников, также увеличила его престиж.

Сегодня уже нет того здания, в котором находился "Паон". На его месте стоит другая постройка. На первом этаже также проводится гастрономическая и увеселительная деятельность. С

давними временами она не имеет ничего общего, не связана с тогдашней традицией.

Почему в это время подобные кафе получили столь широкое распространение? Причин этого было, вероятно, несколько. Одними из них, вероятно, наиболее решающими, были две — общеполитическая ситуация и ситуация в художественной среде. Что касается политической ситуации, то нельзя забывать, что та часть Польши, где находился Краков, принадлежала в то время Австрии, на краковскую жизнь оказывало влияние австрийское правительство, что само по себе, понятно, вызывало недовольство населения и, естественно, не способствовало установлению стабильности.

Это время — время довольно широкого расцвета сатиры. В Галиции этого периода было довольно большое количество сатирических изданий, базировавшихся на творчестве передовой художественной интеллигенции. А подобное положение дел, неизвестно, вызывает к жизни появление различных обществ или хотя бы групп, которые требовали какого-то места своих сборов, каковое, вполне естественно, могли отыскаться в многочисленных кафе.

С другой стороны, ситуация в художественной среде также способствовала созданию отдельных "групп по интересам". Во-первых, общая художественная ситуация в мире. Это время — время ломки старых традиций и многочисленных "проб пера", время поиска новых стилей, которых в это время начинает формироваться относительно много. Приверженцы новых направлений, вполне естественно, не могущих найти быстрого признания, требовали зрителя, единомышленников, каковых могли найти в узком кругу, в котором могли обсудить и новшества и развернуть находящую понимание критику.

Во-вторых, в Кракове этого времени сама молодая художественная жизнь развивалась в двух центрах творческой жизни: первый — Школа Художеств, которая обладала организацией, и второй — "вольные" художники, которые со временем организовали Союз Художников, а изначально объединялись в самостоятельные группы и атаковали ареонаг преподавателей Школы.

А когда в 1895 г. директором Школы становится Юлиан Фалат, который постепенно начинает её реорганизацию, приведшую, в том числе, к переименованию Школы в Академию Художеств, то происходят и изменения в жизни артистических кафе. Фалат группирует вокруг себя группу молодых сил, в числе которых оказываются Ян Станиславский (преподаватель пейзажа), Леон Вычулковский, Теодор Аксентович, Янек Мальчевский; позднее — Станислав Выспяньский и Йозеф Мехоффер. И весьма характерно, что, когда происходят эти изменения в Академии Художеств, наблюдается спад собственно художественной жизни в

краковских кафе, с приходом Станиславского в Академию, распадется группировавшийся вокруг него коллектив в "Паоце".

Сегодняшняя краковская действительность во многом отличается от положения вещей вековой давности, что в немалой степени связано с изменением социальной ситуации. Однако тот, кто знаком с артистической средой современного Кракова, не может не отметить оригинальной художественной атмосферы этого города и в настоящее время. Те же места, где на рубеже веков находились артистические кафе, практически все имеют сейчас иной характер, едва ли что сохранив от атмосферы того времени. Лишь "Яма Михалика" является наиболее полноценным памятником этого уникального краковского явления рубежа веков.